

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Одно из моих чудес

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619785*

Аннотация

«Чудеса можно делать из-за чего-нибудь: из-за голода, честолюбия или из-за любви к женщине. ... Однако я совершил однажды чудо, не будучи движим ни честолюбием, ни голодом, ни страстью к женщине. ...»

Аркадий Аверченко

Одно из моих чудес

Чудеса можно делать из-за чего-нибудь: из-за голода, честолюбия или из-за любви к женщине.

Всякое чудо такая трудная вещь, что просто так себе, для развлечения, этим заниматься не стоит.

Однако я совершил однажды чудо, не будучи движим ни честолюбием, ни голодом, ни страстью к женщине.

Для конторщика, служащего в учреждении, где бухгалтер здоровый, не старый еще мужчина, да притом и крепко сидящий на месте, – для такого конторщика честолюбие – крепко запертые ворота.

Для голодного человека, совершающего во имя требования организма настоящие чудеса, я был слишком хорошо обеспечен теми шестьюдесятью рублями, которые ежемесячно вытягивал по частям вперед у сонного нерасторопного кассира.

А что касается женщин... Мое искреннее мнение, что они любят нас и без чудес. Наоборот, на всякое чудо, подвиг они смотрят совершенно иными глазами, чем мы. Попробуйте достать любимой женщине, по ее желанию, несколько звезд с неба – она еще на вас же и напустится за это: она не знала, скажет она, что звезды вблизи такие огромные, безобразные

и занимают места так много, что из-за них в комнате негде повернуться: «Удружил тоже! Нечего сказать... Заставь вас Богу молиться, вы и лоб разобьете!..»

Во имя чего же, во имя какого великого стимула совершил я то чудо, о котором хочу рассказать?

Да во имя лени!

Иногда по ночам невыносимая жажда терзает меня, но я не утоляю ее, потому что для этого нужно сбросить одеяло и подойти к стоящему на подоконнике графину с водой. Самое ненасытное честолюбие можно было бы удовлетворить, начав работать как следует, – я не желаю этого. Я лишился любви самых красивых милых женщин только потому, что не отвечал на письма или валялся по целым вечерам на диване, вместо того чтобы плестись на свидание.

Вот что такое моя лень. Ненасытная, она поглощает все – голод, женщин, карьеру.

Директор правления, уполномоченный вести дела нашего общества, Мигасов наводил на меня холодный, тупой, длительный ужас.

Дела, которые поручались мне, плелись сзади всех, как старые искалеченные лошади, и я оттягивал всякую пустяковую работу до самого последнего момента.

Нельзя сказать, чтобы я наслаждался покоем в первые, сравнительно безопасные моменты украденного времени. Все время передо мной стоял грозным видением будущий

директорский выговор, но я тянул час за часом, бродил тоскующим взглядом по потолку, читал столбцы старой газеты, в которую были обернуты корешки порученных мне громадных бухгалтерских книг, высчитывал, сколько букв в слове «двадцативосьмимиллиметровый», и вообще развлекался как мог, вместо самого простого – исполнения порученной мне работы.

И все время тупая тоска сжимала мое сердце, тоска ожидания, что вот-вот грянет условный звонок из директорского кабинета, звонок, от которого сердце мое медленно переворачивалось и ползло вниз в холодное море предстоящего ужаса, – и я должен буду с бьющимся взглядом предстать пред спокойные стальные глаза грозного директора.

– Готово?

– Что, Арсений Михайлович?

– То, что я просил.

– Н... не совсем. Я половину только сделал.

– Да? Очень жаль. Ну, что ж делать. Дайте ту половину, которую вы сделали.

– Первую?

– Да.

– Я первой еще не сделал. Занялся было второй...

– Э, черт! Ну, давайте вторую половину.

– Вторая... половина... не совсем... готова...

– Наполовину готова?

– Д... да... Кажется.

– Дайте четверть! Дайте восьмушку, но что-нибудь дайте же, черт возьми!..

– Я вам... завтра... приготовлю...

В эту минуту я сам себе был жалок и противен. Директор с омерзением смотрел на мое растерянное, подобострастное лицо и говорил:

– Когда мы, наконец, от вас избавимся?

– Я не мог найти отчета за прошлый месяц... Я искал...

– Потеряли, да? Вы бы через газеты публиковали.

Чтобы заслужить его расположение, я делаю вид, что меня одолевает припадок смеха, вызванного его остротой, но он брезгливо машет рукой и говорит, постукивая согнутым пальцем о толстый карандаш:

– Идите! И если не сделаете через час, можете уходить на все четыре стороны.

Я вылетаю из кабинета... Ффу!

Мои толстые, громадные бухгалтерские книги я вел так, что весной в них записывался только ноябрь, а осенью на страницах с надписью «дебет» и «кредит» – расцветали подснежники и журчали весенние ручейки, извиваясь между красными толстыми линейками.

И при этом мне иногда приходилось работать ночами, потому что я никогда не работал днем, причем надо мной все время висело изгнание, скандал и насмешки.

И все я приносил ей – могущественной богине Лени, на ее жертвенник.

...Я стоял, почтительно изогнувшись перед директором:

– К сожалению, я не успел вас выгнать, как вы этого заслуживаете, – завтра я уезжаю в Петербург в главное правление и на моем месте будет второй директор правления Андрей Андреич Грызлов. Думаю, что вы не удержитесь при нем и трех дней. Вылетите, как авиатор.

Я отдал ему последнюю дань. Захихикал, ошарашенный милостивой директорской шуткой; постоял, ожидая, что он хоть на прощанье протянет мне руку, но, встретившись с ним взглядом, торопливо поклонился и выбежал из кабинета.

– Влетело? – осведомился кассир.

– Ему от меня? – пожал я плечами. – Бог с ним, не особенно.

Эту ночь я не спал совсем. Думал. А утром пришел на службу и, раскрыв для вида какую-то книгу, погрузился в ожидание нового директора.

Мой план, который родился в бессонную ночь, был безопасен; в случае, если бы он провалился, «вылетел» бы немедленно, а если им совсем не воспользоваться, я вылетел бы дня через три. Что такое три дня в нашей длинной монотонной жизни?

Но я совершил чудо.

Едва этот новый таинственный директор позвонил у подъезда и, раздевшись, вошел в кабинет, я встал с места, захва-

тил коекакие бумажонки и, сделав товарищам предостерегающий жест, бодро пошел в самую пасть льва.

– Тссс! – сказал я. – Прислушайтесь к нашему разговору.

Передо мной стоял высокий человек, с черной окладистой бородой, орлиным носом и сдвинутыми черными бровями.

Я схватил его руку, крепко пожал ее и, не давая новому директору опомниться, заговорил со снисходительной улыбкой:

– Новый коллега? Очень приятно. Кажется, Андрей Андреич? Старина Мигасов много говорил мне о вас. Частенько толковали мы с ним... Садитесь!.. Ну что ж, дослужим, послужим! Народ мы мирный, хороший, и, я уверен, вы нам понравитесь. Ну, расскажите же что-нибудь о себе? Холосты? Женаты?

– Холост! – сказал он, ошеломленный потоком слов.

– Как холост? Неужели? А дети есть?

Он засмеялся.

– Дети? Откуда же дети?

– А-а, плутишка, – лукаво погрозил я ему пальцем. – покраснел... Мы вас тут женим, хотите?

– Куда мне! Я старый холостяк. А вы... женаты?

– Гм? Как вам сказать... Курите?

– Курю.

– Ну, попробуем ваших. Знаете, странно: я с вами только сейчас познакомился, а как будто десять лет знаком. Да... бывают такие люди.

– А вы здесь в качестве кого служите? – спросил директор, протягивая мне портсигар.

Я махнул рукой.

– Так себе! Чепуха на постном масле. Мигасов все тащил меня к себе в Петербург, в главное правление, да нет, не хочется. Кстати, он вам что-нибудь обо мне говорил?

– О вас? А кстати, как ваша фамилия? Я не расслышал.

Я назвал себя и затаил дыхание.

Он сделал вежливую паузу:

– Нет, не говорил ничего.

– Странно. Мы были с ним большими приятелями. Он вообще ужасно рассеянный. Я всегда подтрунивал над ним. «Арсений Михайлович, говорю, ты ботинок один забыл надеть!» Одно только мне не нравилось в нем...

Я откинулся на спинку кресла, затянулся папиросой и стал рассеянно разглядывать синеватую струйку дыма.

– А что такое? – заинтересовался директор.

– Уж очень он фамильярен с низшими служащими... Курьеров по плечу трепал, с артельщиками длиннейшие разговоры вел. Я, конечно, по убеждениям демократ, но то, что допустимо с нами, старшими служащими, звучит каким-то фальшивым народничеством по отношению к курьеру.

– Да, – призадумавшись, сказал он, – пожалуй, вы и правы.

– Да, конечно! Мы с вами, конечно, как люди одного уровня, одного положения в обществе... Кстати, который час?

Он вынул прелестные тонкие золотые часы с эмалью и

взглянул на них.

– Половина первого. А вы разве... куда-нибудь спешите?

– Да, – озабоченно сказал я. – Нужно будет в два-три местечка заехать. Вам тоже, я думаю, сегодня уже начинать работать не стоит. Не правда ли? Вы когда завтракаете?

– В два.

– Экая жалость! Мы бы могли позавтракать вместе, да сегодня, простите, не могу. Когда-нибудь в другой раз. Adios, маэстро!

Я пожал ему руку, сказал несколько ободряющих слов по поводу того, чтобы он пока не смущался, что привыкнуть не так трудно, и, послав ему в заключение рукой приветственный жест, выпорхнул из кабинета.

У дверей, как стадо баранов, толпились перепуганные служащие.

– Вы чего же не зайдете к Андрею Андреичу познакомиться? Андрей Андреич! Вы уж тут без меня познакомьтесь с этими ребятками, а я спешу, у меня еще два свиданьица!

Недавно из Петербурга приехал по каким-то делам бывший директор Мигасов. Так как у него было несколько правленских дел к Андрюше Грызлову, он приехал в правление, вошел в кабинет и увидел следующее: я сидел на кончике письменного стола, постукивая о ножку каблуком, а Грызлов говорил мне:

– Милый мой! Но так же нельзя! Ты обещал мне майский

отчет сдать в июле, а теперь уже начало сентября... Конечно, ты парень симпатичный, но...

– Ах, отчет, отчет! – сказал я, подмигивая. – Надоело! Ты мне скажи лучше, где мы сегодня завтракаем? .